

ПОД ПАДАЮЩИМ НЕБОМ
Н.Я. РЕЙН

18+

Наталья Рейн

Под падающим небом

<https://litres.ru/74304287>

SelfPub; 2026

Аннотация

Луизиана. Затерянные в гуще кипарисах, они потеряли свою дочь. Память о солнечных лучах, пробивающихся сквозь листву, сменилась ледяным ветром Бостона. Джон и Мари бежали от боли, но бегство оказалось ловушкой. В этом городе, скрывающемся за маской благополучия, на них надвигается катастрофа, беспощадная и неотвратимая. Их попытки забыть о трагедии, построить новую жизнь, сталкиваются с суровой реальностью, лишенной сантиментов и иллюзий. Эта книга — не просто история о выживании. Это погружение в глубины человеческого отчаяния и стойкости, где надежда мерцает лишь слабым огоньком среди бушующего шторма. Приготовьтесь к путешествию в мир, где жестокость реальности не оставляет места для утешений.

Содержание

Глава 1. "Шепот праведника"	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Наталья Рейн

Под падающим небом

Глава 1. "Шепот праведника"

Дождь барабанил по окнам крошечной бостонской квартиры, и его безжалостный ритм эхом отзывался в сердцах Джона и Мари Кэмбол. Вода стекала по стёклам, словно слёзы, но не могла смыть пятно глубокой, нестерпимой боли. Память о солнечной Луизиане, о доме, наполненном детским смехом и запахом жасмина, теперь казалась призрачной, нереальной. Вместо неё осталась пустота — огромная и бездонная, как чёрная дыра, поглотившая всё их счастье.

Комната Лили, маленькая, но когда-то полная игрушек и детских рисунков, осталась в Луизиане — в том доме, который они покинули, спасаясь от невыносимой боли. Каждый предмет, что они привезли с собой, кричал о ней: разбросанные по полу фотографии, незаконченная вышивка, кукольный домик. Всё это были осколки утраченного рая, напоминавшие о солнечных днях на пляже, о тёплом песке между пальцами, о запахе солёного ветра и жасмина.

Джон, мужчина средних лет с проседью в тёмных волосах, сидел в кресле, плечи его поникли под тяжестью горя. Лицо было измождённым, глубокие морщины прежде казались

следами доброй улыбки, а теперь стали отпечатком бессонных ночей. Его руки, обычно умелые и сильные, безвольно лежали на коленях; пальцы сжимали и разжимали друг друга, будто пытались удержать ускользающее воспоминание. В глазах, когда-то излучавших спокойствие и тепло, теперь плескалась пустота, бесконечная, как океан, который так радовал их дочь.

— Помнишь, как она смеялась, бегая босиком по пляжу? — тихо произнёс Джон. Его голос едва прорезал шум дождя. Он сидел, спрятав лицо в ладонях, взгляд устремлён в пустоту. Воспоминания о Лили — о её звонком смехе, о маленьких ручках, сжимавших его палец, — мучили его, не давая найти покой.

Мари подошла к окну. Её бледное, измученное отражение сливалось с серым пейзажем за стеклом. Мари задержалась у большого окна, сквозь которое город казался плоской, серой картиной. Простор квартиры только подчёркивал, как мало в ней осталось жизни: диван, на котором никто не сидел подолгу; стол, за которым они почти не ели; стулья, расставленные так, будто ждали гостей, которые никогда не придут. Она провела ладонью по холодному стеклу, будто хотела стереть этот пейзаж и увидеть вместо него залитый солнцем двор в Луизиане. Но стекло оставалось прозрачным, а город — серым и безжалостным.

— Как она собирала ракушки... Целые вёдра приносила, и все разные. Каждая — маленькое чудо, — прошептала она.

Голос дрожал. Мысли о доме, о жизни, которая теперь казалась сказкой, сжимали сердце. Они переехали в Бостон в надежде на новый старт, но город стал лишь напоминанием об их потере.

Пропажа Лили во время прогулки в лесу стала переломным моментом. Полиция ничего не нашла. Только пустота и бесконечное отчаяние. Переезд оказался не новым началом, а бегством от мучительной правды. Теперь Бостон был не городом возможностей, а клеткой, где их души медленно умирали от боли.

— Мы должны были остаться, — хрипло выдохнул Джон. Голос был полон отчаяния. Он чувствовал себя виноватым, будто сам отдал дочь в руки судьбы.

Мари подошла и положила руку ему на плечо.

— Не говори так, Джон. Мы сделали всё, что могли, — прошептала она, но даже её голос не мог скрыть глубину отчаяния. В их глазах отражался бесконечный дождь Бостона — он казался вечным, как их горе.

У Мари пепельные волосы отливали серебром на солнце. Её подтянутая фигура — результат лёгких спортивных нагрузок — подчёркивала женственность, а не спорила с ней: тонкая талия, изящные изгибы, упругие мышцы плеч и ног. Даже в моменты отчаяния осанка оставалась прямой, а взгляд — цепким и проницательным. Она старалась поддерживать Джона, но и её оптимизм начал угасать под гнётом безысходности.

Тусклый свет экрана телефона отразился в её глазах, таких же глубоких, как бостонская ночь. Заголовок новости — «Неизбежное столкновение» — был написан шрифтом, похожим на резкий росчерк. Неопознанное космическое тело, мчащееся к Земле, вызывало не просто страх, а вязкую, душащую панику, словно туман над ЧарльзРивер. Информация расплзалась не по радиоволнам, а по тёмным улочкам сети: в зашифрованных чатах и на запрещённых форумах. В этой серой массе дезинформации и слухов появились шёпотки о некоем «Праведнике». Его фигура оставалась загадкой, как тень в тумане. Имя всплывало в обрывочных сообщениях, в зашифрованных фразах, в видеороликах с зернистым изображением, где лицо было скрыто тенью. Эти видео были пропитаны мрачной атмосферой и предсказывали неминуемую гибель, но содержание оставалось загадкой — будто послание для избранных. Говорили о культе, о тайных собраниях, о символах, похожих на кадры из кошмарного сна. Бостон, утопающий в дожде и тенях, всё больше походил на город из кошмара.

Дни превращались в недели, и спокойствие Бостона таяло, словно весенний снег под палящим солнцем. Сначала это были лишь шёпотки в сети: зашифрованные сообщения в Telegramканалах, тревожные видео на YouTube, где лицо Праведника скрывала густая тень. Лишь изредка мелькало его имя — как призрак, предупреждающий о грядущей буре.

На одном из форумов, куда Мари заходила тайком от Джо-

на, чтобы не пугать его ещё сильнее, мелькнуло новое объяснение символа: перевёрнутый крест в круге якобы обозначал «перезагрузку мира» — момент, когда старое должно сгореть, чтобы дать место новому. Ктото утверждал, что это древний знак алхимиков, ктото — что это просто стилизованная метка, чтобы последователи узнавали друг друга в толпе. Но чем больше Мари читала, тем сильнее ей казалось, что смысл не важен: символ работал как крючок, цеплявший страх, и люди сами наделяли его силой.

Утро было серым и угрюмым, как само настроение города. Мари долго выбирала одежду и остановилась на тёмных вещах, чтобы не выделяться.

— Джон, ты уверен, что нам нужно идти? — спросила она, нервно подёргивая плечом. — Может, мы просто закажем?

— Должны, Мари. Изза всего этого ужаса доставки не работают. Нам ещё нужно коечто купить, — Джон трижды проверил всё ли он взял, прежде чем ответить.

Когда они уже собирались выйти, в коридоре раздался тяжёлый, медленный стук в соседнюю дверь. Мари замерла, прислушиваясь. За стеной ктото тихо, но настойчиво повторял: «Откройте, вы должны знать». Потом послышался другой голос — более резкий, злой: «Мы никому ничего не должны». Стук прекратился, но тишина после него была такой густой, что Мари показалось, будто стены квартиры стали тоньше, а весь город теперь дышит в затылок. Она посмотрела на Джона, и в этом взгляде не было вопроса — только

молчаливое подтверждение: они не одни испытывают этот страх, но и делиться им больше не хочется.

На улице было не так много людей, как раньше. Те, кто вышел, шли быстро, опустив глаза, будто стараясь не замечать друг друга.

— Смотри, они везде, — шёпотом сказала Мари, указывая на группу людей в чёрном на углу.

— Просто идём дальше, — ответил Джон, сжимая её руку. Воздух был тяжёл от молчаливого страха, и каждый звук — шаги, шум машин — казался громче и острее. Они шли молча, сжимая в руках маленькие пакеты, пробираясь сквозь редкую, но напряжённую толпу. Люди были в тёмной одежде, лица бледны. В воздухе витал запах страха, смешанный с запахом дождя и выхлопных газов. Даже привычные звуки города — сирены, гудки — звучали зловеще.

— Джон, я боюсь, — прошептала Мари, прижимаясь к нему.

— Всё будет хорошо, — сказал он, хотя голос дрожал. Им казалось, что каждый прохожий — последователь Праведника, наблюдающий за ними с мерзким интересом. Каждый шаг давался с усилием, каждый поворот за угол становился проверкой на смелость. Наконец перед ними возникла долгожданная дверь квартиры.

Дома Мари взглянула в окно. Листовки появлялись повсюду: под дворниками машин, под дверями квартир, прикреплённые к столбам уличного освещения. Перевернутый

крест в круге — символ Праведника — всё чаще встречался на улицах. Сначала на них почти не обращали внимания, но постепенно они становились навязчивым фоном, как плохой сон, из которого невозможно проснуться.

Сегодня уличные проповеди Праведника собирали ещё большие толпы. Его последователи, одетые в чёрное, напористо перекрывали улицы, блокируя движение, словно призраки, вставшие на пути города.

Телефон Джона зазвонил. Это был звонок с работы.

— Джон, извини, но компания в очень тяжёлом положении. Мы закрываемся. Это касается всех сотрудников, — произнесли на том конце. Трубку бросили.

Джон медленно сел. Это не был конец света, но это был конец их прежней жизни.

Мари прижалась к нему.

— Это ещё не конец, — прошептала она, но и сама не верила в эти слова. Страх перед астероидом смешивался со страхом перед будущим, перед неизвестностью. В воздухе висел не только запах пыли, но и дух безысходности — тяжелее и душнее любого бостонского тумана. В этом мире, где культ Праведника был лишь симптомом надвигающегося конца, они остались один на один с бесконечным космосом и собственным страхом.

Полиция реагировала вяло, потерявшись в лабиринте дезинформации и слухов. Их попытки подавить движение оказывались бесполезными: они сталкивались с яростным со-

противлением фанатиков. Слухи о насилии расползались быстрее официальных сообщений. Страх становился осязаемым, густым, проникая в каждый дом, в каждую семью.

Город кипел, готовый взорваться от накопившейся энергии страха и гнева. Их квартал становился всё опаснее. С каждым днём всё больше людей присоединялось к культу, теряя рассудок и надежду. Чувство неминуемой катастрофы давило, тяжёлое и душное, как влажный бостонский туман, унося за собой ещё несколько нескончаемых дней.

Через пару дней утром холодный, металлический блеск прорезал щели жалюзи, рисуя на полу мрачные полосы — словно шрамы на лице умирающего города. Радио молчало, будто чейто задушенный крик. Только беспощадный стук дождя — каждая капля как удар в сердце — эхом отзывался в пустой квартире. Джон и Мари, измождённые, словно выжатые лимоны, сидели, сжавшись в комок на диване. Запах страха в воздухе был гуще и тяжелее любого бостонского тумана, напоминая затхлый запах заброшенного места.

Внезапно пронзительный звук, похожий на скрежет когтей по металлу, разорвал тишину. Это была не сирена и не крики — это было пение. Глубокое, вибрирующее, оно проникало до костей, лилось из динамиков, встроенных в каждый фонарь, словно город превратился в гигантский гроб, а пение стало плачем по погибшим. Песня Праведника не просто звучала — она пронзала насквозь, вызывая приступ панического ужаса.

И дело было не только в звуке. На стенах, потолке и мебели, словно зловещие галлюцинации, заплясали проекции. Сначала появился символ Праведника: перевёрнутый крест в круге, пульсирующий красным, как болезненно бьющееся сердце. Его мерцание вызывало физическое ощущение жжения за глазами яблоками. Затем возникли лица людей, искажённые ужасом: глаза — пустые орбиты, в которых отражалась бездна отчаяния. Эти лица казались знакомыми, будто отражения из давно забытых кошмаров. Потом появились сами последователи: они двигались в безумном, гипнотическом танце, словно куклы-марионетки на невидимых нитях. Их тени изгибались и извивались, как живые змеи, движения были неестественными, судорожными, вызывающими отвращение. Изображения накладывались друг на друга, мерцали, пульсировали, создавая кошмарную калейдоскопическую картину, от которой кровь стыла в жилах.

Джон инстинктивно зажмурился и прижал ладони к глазам; его тело сжалось в комок, будто от удара током. Мари вскрикнула и закрыла лицо руками; её трясло от бессильной ярости и ужаса — не столько от звука, сколько от того, что она видела. Это была не просто пропаганда, а прямое нападение на разум, на самую сущность человека. Удар за ударом, изображение за изображением — это был непрерывный поток ужаса, разрушающий психику. Дыхание перехватило, в ушах стоял глухой гул, а в глазах темнело.

Спустя невыносимые минуты пение внезапно оборвалось,

словно обрубленная нить. На стенах осталась лишь карта Бостона: красные точки, похожие на капли крови, обозначали дома, отмеченные для уничтожения. Среди них был и их дом. Под картой белела надпись: «Вы следующие», буквы были острыми, как осколки стекла.

В тот же миг резкий белый свет разорвал тусклый утренний туман. Астероид, словно гигантский глаз бога, пульсировал, излучая ослепительный свет, заставляя город дрожать от безумия. Паника достигла пика: люди кричали и бежали, как крысы с тонущего корабля. Но это был не удар — нечто более страшное. Свет астероида искажал реальность, превращая улицы в лабиринт кошмарных видений и усиливая панику до невыносимого предела.

Джон и Мари встретились взглядами. В их глазах читалось отчаяние, смешанное с горькой решимостью. Они поняли: ждать больше нельзя.

— Нам нужно действовать, — прошептал Джон, вставая. Рука сжалась в кулак.

Мари кивнула. Её взгляд был холодным и жёстк

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.